

ЧАСТИНА 1
МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ЕКОНОМІКИ

Розділ 1

**Економіка природокористування
і еколого-економічні проблеми**

УДК 765

В. Н. Авдасёв

Об истории Воздвиженского Трудового Братства в советский период

В работе проводится анализ и систематизация событий заключительного периода существования Воздвиженского Трудового Братства в 1917-1929 гг. Предлагается деление братчиков на категории по отношению к атеистической власти. Проводится анализ причин конформизма участников Братства.

Ключевые слова: братство, братчики, вера, артель, коммуна, Н. Н. Неплюев.

Введение. С начала 1990-х годов обществу стала возвращаться память об уникальном социальном явлении, имевшем место в отечественной истории, – почти полувековом периоде существования созданного Н. Н. Неплюевым Воздвиженского Трудового Братства. Благодаря многочисленным публикациям непосредственных участников и очевидцев тех событий (напр.: Неплюев, 1908; Панкратов, 1911 и др.) мы сейчас можем довольно подробно восстановить детали жизни и деятельности большей части периода существования Братства, вплоть до 1917 года, когда в стране начались коренные сдвиги. Гораздо меньше систематизированы события заключительного периода существования общины, когда под ударами большевистского пресса она в конечном итоге перестала существовать в 1929 г. За последние годы несколько статей, посвященных событиям этого периода, были опубликованы и в журнале «Механизм регулирования экономики». Данная работа – попытка обобщить разрозненные данные отдельных источников с целью формирования цельной исторической картины заключительного периода существования Воздвиженского феномена.

Адаптация к новой власти

В 1917 г., когда власть в России захватили большевики, Крестовоздвиженское православное Трудовое Братство, являло собой большую христианскую трудовую общину, имевшую огромный, во временном исчислении 30-летний опыт жизни. И вот

Авдасёв Валерий Николаевич, директор народного музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева», с. Воздвиженское, Ямпольский район, Сумская область.

© В. Н. Авдасёв, 2012

пред крупной, обустроенной, «вросшей корнями в землю» [1] христианской общиной вставал вопрос о дальнейшей жизни в условиях атеистического социализма.

Руководители Братства, конечно, знали и помнили предостережение своего блюстителя Н. Н. Неплюева, который задолго до революции писал: «Мы, для которых Братство потребность веры, любви, разума и совести, должны ясно понимать неизмеримую разницу между делом мира, любви и смирения христианского братства и делом гордости, зависти и своеволия революционного социализма ...» [2].

Кроме того, братчики сами пережили революцию 1905 г. и не понаслышке знали, к каким печальным последствиям приводит революционное «освободительное движение». Теоретически у них было два пути продолжения дела: продать, что можно из имущества и переехать в другую страну с более благоприятным политическим режимом, как поступали духоборы и сектанты. Или попытаться выжить в новом обществе, которое было агрессивно антихристианским. Трудовое Братство избрало второй путь. И в этом оно разделило судьбу Православной церкви в Советской России. Взаимоотношения Братства с советской властью нельзя назвать однозначно негативными. Они были гораздо более сложными, чем отношения большевиков с Русской церковью.

Социально-политические потрясения – Первая мировая война и Октябрьская революция 1917 г. существенно повлияли на внутреннюю жизнь Братства. С одной стороны, катастрофы сплотили его в дружную семью, озабоченную общей целью – выживания. С другой – многим братьям довелось пережить жестокий опыт реальной войны. Некоторые юноши, за годы военной службы утратили цельность христианского мировоззрения, подверглись влиянию революционной большевистской пропаганды. Многие из них стали весьма критически относиться к религиозному укладу жизни. Вскоре они составили оппозицию старому руководству.

На фоне глобальных общественных сдвигов, происходивших в России, бывшие устремления членов Братства «преобразовать мир» начали уступать чувству удовлетворения тем, что уже достигнуто. Прежнее горячее стремление «творить жизнь на новых путях» сменялось усталостью от усилий, не принесших многих ожидаемых результатов: настоящих и многочисленных последователей дела так и не появилось, новых братств создать не удалось, окружающее население продолжало проявлять недоверие и враждебность, отношения с Церковью и священством оставляли желать лучшего. В этом контексте не звучат диссонансом слова очевидца описываемых событий Н. С. Солодовника о том, что «второе дыхание братство должно было получить от Октября» [3].

В первые же месяцы 1918 г. примерно три четверти недвижимого имущества Братства было национализировано: в Свессе – механический, сахарный и лесопильный заводы, а также ок. 12 тыс. га леса, экономии: Ямпольскую, Александровскую, хутор Ольгин, участок на ж. д. станции Ямполь. Братству оставили только имущество, находившееся в хуторах Воздвиженск и Рождественск, а также пахотные земли вокруг них, общей площадью около 1000 десятин.

В это время на Украине царила атаманина. Всевозможные вооруженные отряды держали в страхе целые местности. Они безжалостно грабили и Братство. Чтобы противостоять разбойным нападениям руководство Братства приобрело в оккупированных территориях немецких частях 30 винтовок, пулемет и сформировало отряд самообороны. Следует сказать, что красноармейцы и бандиты настолько истощили Братство, что его участникам пришлось пожить впроголодь.

В марте 1919 г. Братство преобразуется в коммуны, с соответствующим уставом. В

уставе коммуны сохранялись в самых скромных формулировках изначальные цели Братства: «строить жизнь на основе христианских идеалов – свободы, равенства и братства» и «началах христианской любви». В уставе также говорилось, что Трудовое Братство, «основанное Н. Н. Неплюевым в 1889 г. в течение 30 лет осуществляло идеи коммунизма» [4]. Основные пункты прежнего устава, были перенесены в новый с несущественными изменениями.

И здесь братчикам пришлось пойти на первый компромисс – пусть и формально, но «забыть» духовное завещание учредителей Братства, гласящее о том, что вся жизнь Братства должна быть согласована «со святым учением мира, любви и братства Главы Церкви, Бога Слова, Господа нашего Иисуса Христа и что «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3:11).

Но с другой стороны объявление Братства коммуной давало возможность сохранить коллектив и вписаться в общее русло тогдашних общественных настроений, в надежде пережить смутное время. Ведь в начальный период советской власти, коммуны, артели, откуда бы они не возникли, мыслились как опорные пункты советской власти в деревне.

Вместо думы был создан Совет коммуны, в который вошли молодые братчики недавно вернувшиеся с фронтов. Совет служил ширмой для власти. Неформальным настоящими руководителями по-прежнему признавались уважаемые члены думы М. Н. Уманец, А. И. Фурсей, И. А. Цвелодуб, О. Н. Неплюева и другие старшие братчики, как старшины семей, члены хозяйственного совета. Всего в 1920 г. в общине числилось 578 человек.

В этот период некоторые члены Братства стали сотрудничать с новой властью и работали инструкторами по организации коммун в Черниговской и Киевской губерниях. Так, в конце февраля 1919 г. в Гоголевском районе под Киевом в имении помещика Вишневого во вновь организованной сельхозкоммуне, инструктором от Черниговского губернского земотдела работал член Братства Волк Тимофей Иванович. Районным инструктором по садоводству был также братчик Федор Коротченко [5].

В это же время 19-летний Владимир Цвелодуб, племянник члена думы И. А. Цвелодуба был делегатом от Воздвиженской с/х школы на Первом съезде Советов Глуховщины. Он также работал агрономом в Черниговском губернском земельном отделе по национализации помещичьих садов и передаче их трудящимся. В близлежащем селе Шатрищи им на основании декрета СНК была оформлена национализация земель помещиков Кончи, Вронского и Иванова. В с. Каменка был передан населению сад помещика Терещенко [6]. Действия молодых братчиков полностью противоречили наставлению Н. Н. Неплюева: «Всякое насилие в области права собственности является ...посягательством на свободу личности... Отказ от собственности может быть только добровольным» [7].

В 1918 г. юные члены Братства Иван и Семен Шаповалы тайком ушли добровольцами в Красную армию [8].

Секретарь братской думы и бывший личный секретарь Н. Н. Неплюева В. М. Поправко, как свидетельствуют архивные документы, «с начала революции...призывал всю массу артели стать на сторону советской власти». Его сын Николай Поправко вступил в комсомол и работал секретарем в соседнем селе Гирино. Обращает на себя внимание тот факт, что и старейший член Братства Ф. Е. Четвертка, «проявил себя вполне сторонником советской власти», поэтому никаким репрессиям в начальный период советской власти упомянутые братчики не подвергались [9]. Примеры можно продолжать.

Летом 1919 г. в Братстве случился первый конфликт, связанный с разделом имущества. Двое его постоянных членов И. В. Волик и А. Н. Спановский захотели вместе со своими семьями отделиться от коммуны и заняться устройством личного хозяйства. Сперва совет коммуны решил в порядке исключения выделить им необходимое имущество. Однако, вскоре, исключил обоих из Братства. Но они пожаловались властям. И им удалось добиться желаемого – они получили в пределах коммуны по 0,5 га земли, инвентарь, скот, семена.

Осенью 1919 г. с приходом армии А. Деникина община возвращает свое прежнее название – Крестовоздвиженское Трудовое Братство. Несколько братьев уходят в Добровольческую армию.

В смутное время Братство вело гибкую политику, лавировало и искало защиты в правящей в стране власти, которая часто менялась. Они обращались и к председателю большевистского правительства Украины Х. Раковскому и к гетману П. Скоропадскому, и сотрудничали с добровольческой армией А. Деникина. И от всех им на время удавалось заручаться поддержкой.

Руководители Братства внимательно следили за деятельностью большевистского правительства, которое для советизации деревни прибегало к весьма заманчивым предложениям.

Например, был «сектантский проект внутри большевизма», «свободного христианина» И. М. Трегубова и толстовца П. И. Бирюкова. В их письме к новому правительству говорилось: «Крестьянство в целом принимает «Советы», но отвергает «коммунию». Однако среди крестьян есть «элемент, который охотно идет навстречу коммунистическому замыслу правительства». Это сектанты – «сознательная, разумно-религиозная часть русского народа», которая не только не сопротивляется коммуне, но сама создает коммуны, и притом образцовые».

Проект поддержал управляющий делами Совета народных комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич. (Он, кстати, издал памфлет И. Абрамова о Неплюевском Братстве «В культурном скиту: об одной процветающей коммунистической общине». СПб., 1914). Бонч-Бруевич переработал текст записок Трегубова и Бирюкова, и он лег в основу поддержанного Лениным воззвания «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». В нём Наркомзем предлагал сектантам землю, конфискованную у помещиков и сотрудничество в «творчестве новых форм жизни». Воззвание было опубликовано в газетах и издано отдельным листком в октябре 1921 г. тиражом 50 тыс. экз.

В воззвании говорилось: «В России имеется много сект, приверженцы которых издавна стремятся к общинной, коммунистической жизни. В основу своего стремления они кладут слова, взятые из «Деяний апостолов»: «никто ничего из имения не называл своим, но все у них было общее». Многие сектанты строго проводили в жизнь эти заветы и жили общинами, коммунами. < > и сектантов за это во всех странах, в том числе и в России убивали, мучили, разрывали их общины и всячески преследовали, но они оставались твердыми в своих убеждениях и, умирая, завещали братьям своим продолжать ту же общинную жизнь» [10].

Христианско-коллективистская риторика способствовала тому, что количество религиозных с/х коммун стало умножаться. Однако очень скоро усиление таких коммун было воспринято большевиками, как угроза их идеологической монополии.

В 1919-1921 годах губернские и республиканские власти еще именовали Братство в своих документах «первой украинской советской коммуной, имеющей за собой

громадный опыт по воплощению в жизнь коммунального строя» [11].

Но уже с 1922 г. коммуна стала предметом подозрения и жесткой критики высшего политического руководства советской Украины.

Начало гонений

25-28 февраля 1923 г. в Харькове состоялся Первый всеукраинский съезд работников по коллективизации сельского хозяйства. Одним из вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос о Воздвиженском Трудовом Братстве. Председатель съезда Николай Скрыпник, (в то время нарком юстиции и генпрокурор Украинской республики) заявил, что «коммуны и артели, которые возникли после Октябрьской революции являются результатом революции и формой освобождения бедняцкого крестьянства от эксплуатации. Артели и товарищества, которые существовали до революции были частью капиталистической системы». На второй день съезда Н. Скрыпник «возбудил дело о Воздвиженской трудовой коммуне на Черниговщине. Эта коммуна – говорилось в выступлении – организована 32 года назад и на 45% пользуется наёмным трудом. Отмечая, что в коммуне не должно быть эксплуатации труда в каком-либо виде, съезд постановил лишить Воздвиженскую коммуну названия «коммуна» и назвать её *полутрудовой артелью*» [12].

Последствиями такого решения стало очередное переименование 7 декабря 1923 г. коммуны в Воздвиженскую сельхозартель и навязывание нового устава. Таких понятий, как «христианская любовь» и «христианские идеалы» в нём уже не было. Реформирование сопровождалось исключением из членов артели сестер Биркиных: Ольги Львовны и Надежды Львовны. Причина – социальное происхождение, они были дочерьми тайного советника, бывшего члена сената Льва Биркина [13].

О религиозной и духовной жизни Братства в этот период сведений очень мало. Есть основания полагать, что братья старались по мере возможности не отступать от установившихся правил и сохраняли в своей жизни христианский дух, нрав и обычаи. По словам М. М. Ключевой (1911 г. р.): «Братчики сохраняли церковь и постоянно молились. В начальной школе преподавался Закон Божий до 1924 г. Я помню священника отца Александра Секундова. Он исповедовал меня и моих подруг в 4-м классе. Это был 1923 год».

Н. С. Солодовник в своих воспоминаниях пишет, что осенью 1922 года, когда он поступил в Воздвиженскую школу, «здесь о комсомоле и помина не было. В школах еще действовали, правда на грани распада, так называемые братские кружки, возле кровати каждого воспитанника висела маленькая иконка. Запомнилась мне и общая коленапреклоненная молитва с благодарением Господу за поступление в школу. И это в то время, когда в стране уже пятый год действовал декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.» [14].

В период с осени 1923 г. до осени 1924 г. несколько раз приезжал в Воздвиженскую с/х артель священномученик епископ Дамаскин (Цедрик). Владыка участвовал в богослужениях и молитвенных собраниях, произносил проповеди, разговаривал с взрослыми и детьми. Несколько раз высказывался против Советской власти. Детям говорил, чтобы они слушались «маму Маню» (М. Н. Уманец). Судя по тому, что упоминалась Семья ап. Андрея, христианские принципы устройства братчики продолжали сохранять. По отзывам, еп. Дамаскину очень понравилась жизнь общины [15].

Однако есть и другие свидетельства, говорящие об ослаблении религиозной жизни.

Немало подростков уже симпатизировали комсомольской молодежи, часть братчиков перестала регулярно участвовать в богослужениях.

П. С. Клюев (1907 г. р.), всю жизнь хранивший ностальгию к Братству, в письме к братчице Александре Пинчук от 26.05.1979 г. писал: «В первые годы советской власти, почти вся религия, которая при НН связывала членов Братства в единую семью, из нас братских детей, наших грешных душ, уже поветрилась. И остались вместо нее только дружба и привычка с раннего детства к тяжелым полевым и др. с/х работам. А в нравственном отношении – любовь к культуре, к музыке и пению и неукоснительная честность и порядочность не только в границах Братства, а вообще со всеми, даже посторонними».

В 1924 г. Братство подверглось очередным гонениям. В октябре этого года прошли аресты руководителей. Были уволены все учителя школ, назначенные еще братской думой. Их заменили достаточно квалифицированные, но просоветски настроенные педагоги. Мужскую и женскую школы объединили в «агрономическую профшколу». В начале ноября 1924 г. на общем собрании членов артели, проходившем под руководством первого секретаря Новгород-Северского окружного комитета ВКП(б) Козиса и начальника окружного отдела ГПУ Миронова воздвиженцы проголосовали за предложенное начальством новое название: «Артель имени Октябрьской революции».

30 октября 1925 г. по приговору Верховного суда Украинской ССР шесть членов Думы, в т. ч. управляющий братским хозяйством И. А. Цвелодуб и священ. Александр Секундов, а также еще трое братьев были осуждены на сроки от года до десяти с конфискацией имущества.

Но этим репрессии не ограничились. «Широкий пленум Ямпольского районного исполнительного комитета», проходивший 10-11 мая 1925 г. был полностью посвящен проблеме полной советизации Братства. В докладе и выступлениях пленума говорилось:

«В состав артели входят лица, воспитавшиеся по старым традициям школы Неплюева. Эта многочисленная группа готова все терпеть, лишь бы оставить им уклад жизни, который заложен был основателем Братства Неплюевым. С новым периодом они никак не хотят мириться. Все они находятся под сильным влиянием известной группы бывших «думцев» и элемента враждебного Советской власти» [16].

В ноябре того же года из Братства было выселено 72 человека — члены семей осужденных, члены Думы, а также сестры Неплюевы.

Главнейшим обвинением против братчиков было – приобретение оружия и создание отряда для самозащиты от банд. Оно квалифицировалось судом, как подготовка контрреволюционного мятежа. Интересно, что после осуждения братчиков, в Воздвиженске был создан такой же отряд и «все коммунисты артели были вооружены винтовками». Отряд просуществовал до 1931 г. [17].

Для оставшихся в Воздвиженске братчиков местными органами была создана атмосфера недовольства и неприятия, под давлением которой в 1924-1929 гг. они семьями и поодиночке покидали родной уголок. А в Воздвиженск все прибывали люди, далекие от христианского духа. Среди них были искренние энтузиасты нового строя, проворные крестьяне, пролетарии. С их поселением в Воздвиженске появилось пьянство и воровство, на улицах хутора впервые зазвучала брань.

Новые порядки

После репрессий 1924-1925 гг. в Воздвиженском произошли радикальные изменения.

1. Комнаты братских общежитий превратили в частные квартиры, с русской печкой в

- каждой. Балконы, веранды и террасы общежитий, где любили собираться братья, уничтожены, так же как и садовые беседки.
2. Общественные сараи перегородили перегородками, каждому – «свою» ячейку.
 3. Общественные кухни, столовые, детские комнаты и парадные прихожие разрушили, на их месте устроили частные комнаты.
 4. Огороды разделены подушно. Вырублена часть парка и большие старые деревья в центре хутора.
 5. Общественный скот (свиней и птицу) также поделили. Общими остались коровы, вола, лошади.
 6. Упразднена уравнительная система оплаты труда. Введена индивидуальная сдельная система. Артель перешла на самоокупаемость.
 7. Христианскую религию объявили «опиумом для народа». В школах запретили преподавание Закона Божия. Братскую церковь разграбили и закрыли. Дендропарк, окружавший её, выкорчевали, распахали и на этом месте произвели беспорядочную застройку.
 8. Организовали партийную и комсомольскую ячейки.
 9. Названия братских домов-общежитий упразднены и заменены номерами. Например, дом братской семьи св. ап. Петра и Павла стал называться «третий номер». Дом семьи св. Николая – «шестой номер», дом семьи св. Иоанна – «первый номер» и т.д.
- В целом, такие меры только ослабляли духовную общность коллектива и существенно снижали качество духовного общения. Противостояний и конфликтов между братчиками и приезжими не было.

Украинская писательница Екатерина Лубенец, жившая в 1925-1934 гг. в Воздвиженске, в своих мемуарах пишет: «Братчики довольно легко приняли законы Советской власти. Коммуна пополнялась семьями демобилизованных красноармейцев, бывшими наемными рабочими, и окрестными крестьянами. Работали в хозяйстве дружно и вчерашние братчики и новые «коммунары» [18].

В 1927 г. «партячейка» артели насчитывала уже 35 человек, из них 4 братчика: Ф. Г. Мехед, Т. И. Волк, Н. А. Ахтырко, П. Ф. Сапич. Около десяти юных братчиков вступили в комсомол.

Финал

В 1929 г. на волне тотальной коллективизации была произведена так называемая чистка артели и выселение коренных воздвиженцев. Поводом для неё стало то, что «основу артели составляли бывшие члены Братства и более консервативная часть из них продолжают проводить порядки, которые были в Братстве». Это выразалось в том, что братчики продолжали собираться на беседы, по возможности молились, утром и вечером. Пытались соблюдать православные праздники. На атеистических лекциях вступали в спор с докладчиками. После выселения в селе осталось около 80 бывших членов Братства.

В 1930 г. на месте Крестовоздвиженского Трудового Братства был создан Агроиндустриальный комбинат. Дома-общежития заняли 800 новоселов-крестьян. Через три года местная партийная комиссия констатировала: «Колхозники живут скученно, по 2-3, иногда 4 семьи в одной квартире (1-2 комнаты). В результате тесноты общежития колхозников находятся в антисанитарном состоянии. ...Артель засорена классово чуждыми элементами, расхитителями общественной собственности, шкурниками [19].

Братья, оставшиеся в Воздвиженске не проявляли своей религиозности. Даже в

формальному «народному» почитанню православних праздників, як приготування пасхальных куличей и яиц, колядование на Рождество, они не участвовали. Второе поколение братчиков в подавляющем большинстве не крестили своих детей. Отчасти это можно объяснить страхом репрессий, (установлено, что около 20 братчиков репрессированы уже после ликвидации общины). Однако, очень многие стали равнодушны к христианству. Мне известна только одна семья братчиков (Ивановы), состоявшая в родстве со священником – Алексеем Голобудским.

В «послеобщинном» периоде жизни братчиков обнаружено очень мало людей, деятельно заботившихся о продолжении именно христианского дела Неплюева. Это братский священник Александр Секундов, который поддерживал в людях веру и вел переписку с братчиками. А также старейший член Братской думы Исаак Никитич Белобаба. Последний во время Великой Отечественной войны, в 1942 г., когда на оккупированных немцами территориях СССР стали возвращаться некоторые дореволюционные порядки и открываться храмы, добрался в родные места. (До войны И. Белобаба проживал в г. Алапаевске). Он обошел семьи бывших братчиков, побывал в Киеве, Глухове, Ямполе и самом Воздвиженске, с призывом возродить Трудовое Братство. Но его искренний порыв был расценен, как неадекватный ситуации и не был никем поддержан. Сестры Неплюевы и уехавшая с ними в Чернигов Софья Куница никогда не утрачивали связь с Церковью. Они по свидетельству А. А. Флёровой были в 1930-х годах духовными чадами преп. Лаврентия Черниговского.

Житель с. Воздвиженское А. В. Панченко (1939 г. р.) рассказывает, что когда в 1942 г. в соседнем хуторе Говоруновом возобновились службы в здании бывшего Крестовоздвиженского братского храма, то некоторые братчики посещали храм. А его тетьа братчица Кондратенко Прасковья Федоровна в 1944-1948 гг. брала его на службы и причащала у священника.

Судьбы примерно половины людей вышедших из Братства до сих пор не исследованы. Среди них, вероятно, были люди, сохранявшие веру и участвовавшие в жизни Церкви. Но не обнаружено никаких следов того, что среди выходцев Братства существовало какое-либо тайное сообщество последователей Н. Н. Неплюева. Пока не удалось выявить имен братчиков, попытавшихся хотя бы сохранить ценнейший архив Братства и Неплюева. В этом контексте есть некоторые отрывочные сведения. Галина Викторовна Гордейчук (1940 г. р.), родившаяся и выросшая в Ямполе, вспоминает, что её дед Нестеров Николай Федотович (1894-1963), человек православный и восторженный монархист, рассказывал, как он, будучи лесником в братском имении, помогал братчикам выжить в первые годы советской власти. Прятал в лесах их самих, а также «бумаги братства, книги, вещи, иконы». Ей запомнились его слова о Н. Н. Неплюеве и старых членах Братства: «Это были особые духовные люди, имевшие такую веру и такую любовь, которой во всем мире не было. Их труды нужно сохранить для будущих поколений. Это – будущее России... Сейчас наступил период обнищания духа русского. Надо пережить этот период. А вы, молодые, будете все это поднимать к жизни».

У воспитанников Н. Н. Неплюева на всю жизнь сохранилось чувство особенного воздвиженского родства, способность к всегдашней и бескорыстной помощи друг другу. Причем бывшие члены Братства, относившиеся к самому Братству во время его существования, с противоположных позиций, теперь, спустя четверть века, чувствовали себя полноправными наследниками одного общего дела. (Так, например, встречались в 1955 г. Р. Е. Леляков один из инициаторов протеста 1900 г., называемый в братских хрониках «изменником братства» и многолетний член думы С. Ф. Черненко).

Открыто переписываться и встречаться они стали только в конце 1950-х годов.

Бывшие члены Братства хранили благодарную память о Н. Н. Неплюеве и, как свидетельствует их переписка, пытались написать правдивую историю Трудового Братства, вернуть доброе имя Н. Н. Неплюеву. Однако эти начинания не были осуществлены даже втайне. Исключение составляет повесть П. К. Федоренко «Серебряные нити» и воспоминания Л. В. Померанцевой, которые хранились в личных архивах и были опубликованы уже в 2000-е гг.

В начале 1980-х годов братчики попытались установить памятник на могиле Н. Н. Неплюева, но и эта попытка была пресечена местными властями.

Заключение. Трудовое Братство старалось сохранить религиозный уклад жизни, однако экзамен революцией выдержали далеко не все его члены. По отношению к атеистической власти братчиков условно можно разделить на три категории.

1. Те, которые с приходом большевиков поддержали советскую власть – примерно до 10%.
2. Те, которые пытались сохранить христианский общинный уклад жизни, и пошли на компромиссы под влиянием коллективистской риторики большевиков и угрозами репрессий (около двух третей численного состава). В последствии, живя в атеистической среде, они утратили веру в Бога и обрели веру в коммунизм.
3. Те, кто и во время гонений сохраняли веру, церковность и стремление к братской жизни – до 10%.

В советское время люди, принадлежащие к первой и второй категориям, стали добросовестными, честными, интеллигентными, но уже «советскими людьми». Многие получили высшее образование и занимали крупные партийные и руководящие должности. Они утратили религиозность, но через всю жизнь пронесли чувство родства и причастности к некогда общему делу. Можно сказать, что Неплюеву удалось воспитать в своих братчиках внешние добродетели, привить им навыки высоконравственной жизни.

А внутренние добродетели веры – смирение, любовь, ревность, кротость, послушание, всегдашнее сокрушение духа, молитву – при всем понимании блюстителем их важности, – привить оказалось невозможным. Видимо, поэтому процент братчиков, сохранивших в советское время веру и церковность не превышал процента верующих в окружающем обществе. Эти факты требуют осмысления. Они требуют ответа на вопрос: каковы же причины конформизма большей половины участников Братства, утраты веры столь многими братчиками и забвения своей «первой любви»?

Попытаюсь обозначить некоторые.

1. Одной из внутренних основ Трудового Братства была созданная Неплюевым своеобразная *идеология* «воплощения христианской правды в жизни». Эта *христианская идеология (может вопреки воле Неплюева) превалировала над верой*, и воспринималась определенной частью братьев, как достаточная основа для жизни в Братстве. Она была *связующей силой*. Формой существования этой идеологии была коллективная общинная жизнь. Эта форма совпала с коммунистическим идеалом большевиков и была принята значительной частью братчиков. Поэтому процесс трансформации христианского Трудового Братства в советскую артель произошел без особых духовных потрясений.

2. Существенной особенностью Трудового Братства, по точному замечанию историка И. А. Гордеевой было то, что, *«почти единственным коммунитарием в Братстве был сам Неплюев, а остальными его участники были крестьяне, для*

которых выбор данной формы жизни не был обусловлен коммунистическими мотивами» [20].

Неплюев, *создал для них самые благоприятные условия* и буквально отдал им свою землю, своё имение. Давно замечено, что искусственно созданные тепличные условия «райского уголка на земле» являются средой для развития в людях всяческих немощей. Нельзя воспитать совершенных христиан только любовью и ограждением от зла. Христианину, как воздух и вода, требуется также и скорби, болезни, лишения. Ему нужна *собственная* сильная решимость посвятить себя Богу.

Воспитанные в духе искреннего коллективизма, имеющие мощный трудовой закал и интеллектуальное развитие, воспитанники Братства сумели не только вписаться в советское общество, но и вполне реализовать себя в новом обществе. Они были лучшими работниками тех советских предприятий и организаций, где им довелось работать.

3. «Добровольно-принудительный» характер *воцерковления людей* и в целом жизни. Нравственное давление, оказываемое на людей, как в воспитательном школьном процессе, так и на лоне Братства. О чем свидетельствуют документы внутренней регламентации жизни Братства и «отчеты блюстителя», и заявления самих братчиков. Давление это было продиктовано стремлением Н. Н. Неплюева успеть при жизни увидеть плоды своих трудов – новое духовное общество и «нового преобразенного человека».

Но, как писал мыслитель И. Ильин: «Попытки принудительного оцерковления жизни и культуры только восстановят людей против веры. Формальная причисленность к церкви есть сущая неправда перед лицом Божиим. Церковь должна звать людей откровением и любовью, примером и свободой, но не навязывать себя принудительно, торопясь любой ценою установить церковную «тоталитарность». Церковь приемлет мир и возводит его к Богу, но не насилует его и не распоряжается его земными делами» [21].

4. Причиной отхода от «дела Божия» было также, по справедливому замечанию профессора М. Тареева *отсутствие необходимой меры «свободы для автономной разумной личности»* [22]. Следствием несвободы явились ослабление ответственности, духовная и социальная пассивность, когда человек привыкает подчиняться внешнему влиянию, если это подчинение не сопряжено с негативными для него последствиями.

Несмотря на несовершенство и самого Н. Н. Неплюева и его Братства, этот опыт построения христианского общества очень ценен, дорог и поучителен для людей. И даже если не все в Неплюевской общине было по воле Божией, не все было совершенно, все-таки, несомненно, виден промысел Божий над Трудовым Братством. Это живой пример разумной человеческой жизни, построенной на вере, любви и братстве. Оглядываясь на историю XX в., можно сказать, что созданное Н. Н. Неплюевым духовно-хозяйственное сообщество было гораздо ближе к истинно христианской жизни, чем все существовавшие в мире общественные формации.

1. Панкратов А. С. Ищущие Бога: очерки современных религиозных исканий и настроений ; в 2 т. / А. С. Панкратов – М., 1911. – Т. 2. – С. 109.
2. Неплюев Н. Н. Полное Собрание Сочинений / Н. Н. Неплюев. – СПб., 1908. – Т. 5. – С. 353.
3. Солодовник Н. С. [Воздвиженское Трудовое братство]. Н. Н. Неплюев: Воздвиженское Трудовое братство – локальная модель будущего бесконфликтного общества социальной справедливости: [Теория, практика, печальный финал] / Н. С. Солодовник – М. : Издание автора, 1994. – С. 219.
4. Устав коммуны «Воздвиженское Трудовое братство». – С. 1 / Материалы музея «Трудовое

В. Н. Авдасёв. Об истории Воздвиженского Трудового Братства в советский период

- братство Н. Н. Неплюева» ФБ-К. – № 508.
5. *Фонды музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева»*. Архив агронома Петренко Е. И. Тетрадь № 1. – С. 21.
 6. *Из текста автобиографии В. У. Цвелодуб* написанной ок. 1960 г. Семейный архив В. В. Цвелодуб, пгт. Ямполь, Сумской обл.
 7. *Неплюев Н. Н.* Открытое письмо к учащейся молодежи / Н. Н. Неплюев – СПб., 1906. – С. 29.
 8. *Материалы музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева»*, фонд Клюева П. С. ед. хр. № 390.
 9. *Державний архів Сумської обл.*: Ф. р. 1752, оп. 1, спр. 38., л. 68-69 об.
 10. *Гордеева И. А.* Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX-начала XX в. (Предисловие) / И. А. Гордеева // Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. – СПб., 2010. – С. 52–54.
 11. *Фонды музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева»*. Переписка коммуны Трудовое братство с Черниговским губземотделом. ФБК №-509. л. 10.
 12. *Газета «Большевик»* (Харьков), от 7 марта 1923 г. – № 52 (118).
 13. *Державний архів Чернігівської обл.* ФР – 503. оп.1. спр. 568. – С. 20–23.
 14. *Солодовник Н. С.* Становление и деятельность на первом этапе комсомольской организации хутора Воздвиженского / Н. С. Солодовник // ркп. Фонды музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева» ед. хр. № 973. – М., 1971. – С. 3–5.
 15. *ЦА ФСБ РФ*. Д. Н-3677, Т.7. л. 7-21.
 16. *ГДА СБУ*. Архивное уголовное дело № 4939.
 17. *Мехед Ф. Г.* Воспоминания о хуторе Воздвиженске / Ф. Г. Мехед // ркп., 1954 г. Фонды музея. № 512. – С. 10.
 18. *Лубенець К.* Дівчата без наречених / К. Лубенець – К. : Ярославів Вал, 2002. – С. 55.
 19. «Выводы комиссии по чистке парторганизации с\х артели им. Окт. Революции» в 1934 г. Фонды музея «Трудовое братство Н. Н. Неплюева» ед. хр. № 1272.
 20. *Гордеева И. А.* «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения» / И. А. Гордеева – М. : АИРО-XX, 2003. – С. 56.
 21. *Иеродиакон Иона (Сигида)*. «Православный социализм» – религия антихриста – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eshatologia.org/component/content/article/461-pravoslavniy-socialism-religia-antihrista.html>.
 22. *Тареев М. М.* Живые души: очерки современных нравственных исканий / М. М. Тареев ; 2-е изд. – Сергиев Посад, 1908. – С. 138.

Получено 02.04.2012 г.

В. М. Авдасёв

Про історію Воздвиженського Трудового Братства в радянський період

У роботі проводиться аналіз і систематизація подій завершального періоду існування Воздвиженського Трудового Братства в 1917-1929 рр. Пропонується розподіл братчиків на категорії по відношенню до атеїстичної влади. Проводиться аналіз причин конформізму учасників Братства.

Ключові слова: братство, братчики, віра, артіль, комуна, М. М. Неплюєв.

V. N. Avdasev

About the History of Vozdvizhensk Labour Community in the Soviet period

This paper analyzes and organizes events of the final period of Vozdvizhensk Labour Community in 1917-1929. The division into categories brothers against atheistic government is proposed. This paper analyses the causes of conformism members of the Community.

Keywords: community, brothers, faith, cooperative, commune, N. N. Nepluyev.